

Влияние представителей определенных видов правосознания, в частности профессионального и научного, распространяется на тех, чье правовое сознание является обыденным, еще и тем, что «либерально ориентированные авторы, к которым относятся противники смертной казни, получили в последнее десятилетие XX в. контроль над рядом ключевых позиций в научной, публицистической, культурной и многих других сферах жизни нашего общества. Таким образом, обладая монопольным правом подачи, интерпретации, тиражирования информации, касающейся смертной казни, и, соответственно, неограниченной инициативой в производстве и распространении таких сведений, аболиционисты получили подавляющее, тотальное преимущество над консерваторами...»¹.

В заключение следует отметить еще один аспект, в перспективе требующий изучения, – правосознание исполнителей приговора, исследование которого необходимо в условиях реальной реализации рассматриваемой меры наказания.

Обращает на себя внимание и факт того, что одни и те же обстоятельства, связанные так или иначе с исключительной мерой наказания, по-разному влияют на формирование отношения правосознания к смертной

казни, давая посыл к согласию или несогласию с последней. При этом данная мера наказания, будучи злободневным фактором, используется в пропагандистских, идеологических и даже экономических целях, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на ее оценку правосознанием. В любом случае разные политические силы, заинтересованные в вербовке сторонников, стремятся активно воздействовать на правосознание общества с целью формирования идеи ее одобрения или неодобрения.

Кроме того, в правосознании может иметь место упор в охватывании им одних обстоятельств в ущерб другим, в частности максимальное акцентирование на возможных неправосудных приговорах (результатом чего будет смерть невиновного) и минимальное осмысление проблемы, связанной с условно-досрочным освобождением приговоренных к пожизненному заключению (что не исключает совершения ими новых преступлений).

Невостребованность учета отношения к смертной казни обыденным правосознанием, выражающаяся в игнорировании идеи референдума по поводу ее применения, еще раз подчеркивает не одинаковую весомость разных видов правосознания в вопросах их потенциального влияния на юридическое закрепление своей позиции.

Акиев А.Р.,

кандидат юридических наук
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Отдельные проблемы применения судами условно-досрочного освобождения от отбывания наказания

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (далее – УДО) – это один из динамично развивающихся и применяемых институтов уголовного права, сущность которого состоит в освобождении осужденного от дальнейшего отбывания уголовного наказания при наличии установленных законом оснований и условий. В действующем уголовном законе сочетаются жесткость наказания по

отношению к обладающим повышенной общественной опасностью субъектам, совершившим преступные деяния, и регламентация разнообразных мер смягчения ответственности и освобождения осужденных лиц от дальнейшего отбывания наказания в случаях, когда такие лица достигают исправления до окончания установленного приговором суда срока уголовного наказания. Поэтому является актуальным не

¹ Ищенко Е.П. О применении смертной казни // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологда. 2008. № 3. С. 23.

только применение кары, но и выделение из общего числа осужденных преступников лиц, которые осознали преступность своего поведения и не нуждаются в полном отбытии наказания, назначенного судом, и существует возможность их дальнейшего исправления без изоляции от общества.

Однако и сейчас актуальными остаются многие вопросы законодательного регулирования оснований и условий УДО, а также некоторые моменты, связанные с реализацией последующего контроля за освобожденными, которые тщательно не регулируются действующим законодательством. Проблемные вопросы применения УДО оказывают непосредственное влияние не только на судьбу осужденных лиц, но и, в конечном счете, могут привести к нарушениям конституционного принципа равенства осужденных в отношениях с администрацией исправительных учреждений и других государственных органов, ответственных за принятие решения об УДО.

В рамках данной работы хотелось бы осветить лишь одну из многочисленных проблем института УДО, которая, на наш взгляд, очень слабо освещена в юридической литературе, однако представляет особый интерес для правоприменительной деятельности. Речь идет об особенностях применения УДО в отношении осужденных, пробывших продолжительное время в следственных изоляторах (далее – СИЗО), в связи с применением к ним меры процессуального пресечения в виде заключения под стражу.

В соответствии с действующим законодательством начало исполнения уголовного наказания достаточно жестко связывается со временем вступления приговора в законную силу (ст. 7 УИК РФ, ст. 390 УПК РФ и др.). При этом зачастую возникают ситуации, когда к моменту постановления приговора лицо уже фактически отбыло срок, дающий право на получение УДО. Однако в таких ситуациях возможность условно-досрочного освобождения крайне затруднительна в силу следующих причин.

Во-первых, содержание под стражей не подразумевает ни проведение воспитательной работы с указанными выше лицами, ни вовлечение их в культурную и общественную жизнь, что делает практически невозможным выявление «отношения осужденного к совершенному деянию», которое является одним из условий предоставления условно-досрочного освобождения в соответствии со ст. 79 УК РФ.

Во-вторых, в этих условиях администрация исправительной колонии, в которую только что поступил такой осужденный, не в состоянии сделать вывод о том, заслуживает ли он права на освобождение, встал ли на путь исправления, а потому не может дать объективного заключения о целесообразности его УДО¹.

Согласно обзору судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2014 г.) суды при оценке поведения осужденного правомерно принимали во внимание данные, характеризующие поведение лица в период содержания его под стражей до вступления приговора в законную силу, поскольку время содержания лица под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу засчитывается в срок фактического отбывания им лишения свободы (ч. 3 ст. 72 УК РФ, п. 1 постановления Пленума Верховного суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8)².

Например, Стерлитамакский районный суд Республики Башкортостан, отказывая 24 июля 2013 г. в удовлетворении ходатайства об УДО несовершеннолетнего осужденного В., учел, в частности, его 14 высканий, 4 из которых были применены в период нахождения в СИЗО.

На необходимость учета поведения осужденного во время содержания его под стражей в СИЗО прямо указали некоторые суды, в их числе Верховный Суд Республики Калмыкия и Верховный Суд Республики Карелия. Суды других регионов также учитывали поведение осужденных в

¹ Дроздов А.И., Орлов А.В. Актуальные проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1(86). С. 162-163.

² О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2009 № 8 // СПС КонсультантПлюс.

указанный период. Однако, принимая во внимание поведение осужденного во время содержания под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу, главное значение при решении вопроса о том, нуждается ли лицо для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания, суды придавали обстоятельствам, характеризующим поведение осужденного после постановления приговора.

Например, удовлетворяя 5 августа 2013 г. ходатайство осужденного Б. об УДО, Яшкульский районный суд Республики Калмыкия учел, что в период нахождения в СИЗО к Б. дважды применялись взыскания. Несмотря на это, суд пришел к выводу о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного ему наказания, поскольку в период отбывания наказания в исправительном учреждении он был трудоустроен, порядок отбывания наказания соблюдал, мероприятия воспитательного характера посещал, на замечания реагировал правильно, за активное участие в общественной жизни, добросовестное отношение к труду и примерное поведение поощрялся досрочными снятиями наложенных на него в период содержания в СИЗО взысканий и благодарностью, неснятых взысканий не имел¹.

Такой подход соответствует правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым по смыслу закона (ст. 79 УК РФ, ст. 175 УИК

РФ) основаниями, предопределяющими возможность или невозможность применения УДО, являются обстоятельства, характеризующие личность осужденного и его поведение после постановления приговора, в период отбывания наказания (определения от 20 февраля 2007 г. № 110-О-П, от 20 февраля 2007 г. № 173-О-П, от 1 марта 2012 г. № 274-О-О и другие).

Подводя итог выше изложенному, мы можем заключить, что в целях принятия законного и обоснованного решения об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания судам следует в полном объеме учитывать все обстоятельства, характеризующие личность и поведение осужденного лица, в том числе его поведение во время содержания под стражей в СИЗО до вступления приговора в законную силу, поскольку в соответствии действующим отечественным законодательством время содержания лица под стражей до вынесения приговора и вступления его в законную силу засчитывается в срок фактического отбытия им лишения свободы.

Считаем целесообразным дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» отдельным пунктом, содержащим предложенные разъяснения.

Суверов С.Е.,

Омская академия МВД России

Место нормы о примирении с потерпевшим в системе оснований освобождения от уголовной ответственности

В современный период развития норм уголовного законодательства набирают обороты тенденции, имеющие явный гуманистический характер, что выражается, в частности, в увеличении количества нормативных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Данные особенности также свойственны и уголовному праву Российской Федерации, что нашло отражение в Уголовном кодексе Российской Федерации, принятом в 1996 г., а в дальнейшем продолжено в многочисленных поправках к указанному Федеральному закону.

¹ Обзор судебной практики условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 29.04.2014 // СПС КонсультантПлюс.